

ОВАНЕС ТУМАНЯН В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ (30-60-е гг. XX в.)

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

С творчеством Ованеса Туманяна русский читатель, как известно, стал знакомиться еще с 90-х годов XIX века. Тогда же на русском языке появились первые критические отклики о поэте. В последующие десятилетия русская критическая мысль о Туманяне обогащалась – по мере издания новых переводов его произведений, помещенных в литературной периодике, в отдельных сборниках армянской литературы на русском языке. Из дореволюционных критических оценок, конечно же, особенно выделяется характеристика В. Брюсова в его вступительной статье к антологии «Поэзия Армении» (1916). Брюсов удивительно метко и точно определил суть поэзии Туманяна, ее значение, особенности. Его слова о Туманяне зацитированы; они и век спустя не утратили своей ценности и актуальности.

В советские годы произведения Туманяна продолжали переводиться на русский язык. Эти переводы публиковались в различных литературных изданиях, а в 1932 г. в Тифлисе вышел в свет его небольшой поэтический сборник. За ним последовали издания 1937 года – «Избранные произведения» (М., «Гослитиздат») и «Избранное» (Тбилиси, изд. «Заря Востока»), в которых, помимо поэзии, была помещена и художественная проза – рассказы и сказки. И в течение последующих десятилетий неоднократно в Ереване, Москве и Ленинграде выходили в свет сборники Туманяна. В «Избранные произведения» 1946 года (М., Гослитиздат) вошли еще и отдельные статьи, речи и письма поэта. Более полно критико-публицистическое и эпистолярное наследие Туманяна было представлено в московском двухтомнике 1960 года. К столетнему юбилею поэта, широко отмеченному в СССР в 1969 году, было приурочено несколько изданий на русском языке. Этот юбилей способствовал и значительному обогащению русской литературно-критической мысли о Туманяне. Различные статьи, выступления, доклады, высказывания русских писателей, поэтов, критиков, переводчиков были впоследствии опубликованы в книге «Туманян-100. Юбилейная летопись» (1974). Весь этот богатый материал, конечно же, нуждается в исследовании и оценке.

Отметим, что в армянском литературоведении обстоятельно изучены русские критические отклики о Туманяне дореволюционного периода. Эта тема освещена не только в отдельных статьях, монографиях о Юрии

Веселовском, Сергее Городецком, Валерии Брюсове и других представителях русской культуры, где подробно рассмотрены их взгляды на творчество армянского поэта. Есть и статьи общего характера, специально посвященные данной теме, в которых представлены и охарактеризованы взгляды разных авторов на творчество Туманяна¹. Однако на сегодняшний день не существует **целостного литературоведческого труда**, посвященного статьям и высказываниям о Туманяне в русской критике советских лет. И поскольку тема эта достаточно богата по материалу и не укладывается в рамки одной статьи или доклада, мы решили рассмотреть ее в определенном аспекте и в определенных хронологических рамках: это статьи и высказывания о Туманяне некоторых русских переводчиков – с 30-х годов прошлого века по 60-е включительно. Данный отрезок времени выбран потому, что именно с 30-х годов активизировался процесс переводов Туманяна на русский язык, а 60-е завершились столетним юбилеем поэта, подготовка и проведение которого стимулировали активизацию не только переводов, но и критических откликов. А выделить и представить взгляды русских переводчиков Туманяна нам показалось интересным потому, что каждый переводчик – он еще подспудно и критик: ведь перевод невозможен без глубокого осмысления и интерпретации подлинника. И потому суждения переводчиков примечательны тем, что они не только обогащают литературно-критическую мысль о переводимом ими авторе: они еще в определенной степени раскрывают творческую индивидуальность самого переводчика, могут стать ключом к пониманию тех или иных его решений при воссоздании оригиналов.

Во второй половине 30-х годов к поэзии Ов. Туманяна обратилась известный русский поэт и переводчик, тесно связанный с Арменией до последних лет своей жизни, – Вера Звягинцева. Звягинцева посвятила Армении прекрасные стихотворения; она в течение нескольких десятилетий переводила армянскую классическую и современную поэзию. Заметим, что о своем восприятии и оценке творчества Туманяна Звягинцева высказалась и как поэт: в самом последнем ее стихотворении, посвященном Армении (оно было впервые опубликовано в ереванской газете «Коммунист» в конце ноября 1970 года, а в 1972-м Звягинцевой уже не стало), читаем:

*Ты навсегда со мной, Армения,
В стихах и помыслах моих,
И дорога ты мне не менее
Родных полей, лесов родных.
Немногие в Большой поэзии
Так много значат для меня,
Как звезды твоего созвездия –
Исаакян и Туманян.*

¹ См. статью К Айвазяна «Из истории ознакомления русского дореволюционного читателя с творчеством Ов. Туманяна» в сб.: Ованес Туманян. Материалы всесоюзной междуниверситетской научной конференции. Ер., 1969, изд. ЕГУ, с. 121-151; а также нашу статью «Отклики на творчество Ованеса Туманяна в русских изданиях 1893-1903 годов». В сб.: Туманян и XXI век. Ер., изд. Северного университета, 2009, с.75-82.

В 1936 году в переводе Звягинцевой была опубликована баллада Туманяна «Пес и кот» (Ереван, «Армгиз»). А в изданном в Москве в 1937г. сборнике Туманяна «Избранные произведения» («Госиздат»), кроме этой баллады, были опубликованы и другие ее переводы – стихотворений «Со звездами», «Ты почему меня забыл», «Примирение», баллад «Злосчастные купцы», «Конец зла», «Братец-барашек». К концу 40-х годов ею были переведены еще баллада «Орел и дуб» и стихотворение «Дитя и вода». В различных русских изданиях Туманяна последующих десятилетий публиковались эти переводы Звягинцевой, в которые она вносила отдельные изменения. Об этом свидетельствует ее переписка с дочерью поэта Нвард Туманян. Так, в письмах она порой просит Нвард Ованесовну, которая всегда принимала активное участие в изданиях Туманяна на русском языке (она была составителем ряда сборников и автором вступительных статей), внести правки в ее переводы и приводит новые варианты отдельных строк, а также новый вариант баллады «Пес и кот»². В письмах Звягинцева не раз говорит о своей любви к Туманяну³. А в одной из своих статей, приуроченных к 100-летию поэта, она подчеркивает, что в этом чувстве сыграло определенную роль и ее непосредственное общение с дочерьми Туманяна. «Я не могу не упомянуть о том, – писала Звягинцева, – что мне посчастливилось знать дочерей Туманяна Нвард и Арпик. Это как-то приблизило к Туманяну, дало мне ощущение его современности» (с. 127).

К 100-летию Туманяна Звягинцева написала две статьи. Одна из них, озаглавленная словами самого поэта «А без любви нет жизни», была опубликована в юбилейные дни в ереванской газете «Коммунист» (1969, 20 сентября). Объясняя название своей статьи, автор пишет: «Мне кажется, что эта фраза характеризует все сделанное Туманяном и в творчестве, и в жизни. Скорбь о трагической судьбе армянского народа, юмор его сказок, переходящий в сатиру, ненависть к злу и неправде – все это любовь. Слово «гуманизм», всегда применяемое к имени Туманяна, я заменяю простым русским вечным словом «любовь»»⁴. Звягинцева называет несколько широко известных произведений поэта, подчеркнув: «Я не цитирую его чудесных строк – это был бы неиссякаемый поток»(с.306). Она отмечает еще одну очень важную особенность творчества Туманяна – его манеру письма, в которой сказались, по ее мнению, и черты личности самого поэта: «Туманян совершенно лишен самоуверенности, «литературного кокетства», он прост и благороден. Главное – человек. При скорбности (порой) его письма все же он дает веру в радость, потому что сам верит в радость, верит в справедливость» (с. 306).

² См.: **Тамара Туманян**. Страницы жизни. В кн.: Душа, открытая людям. О Вере Звягинцевой. Воспоминания, статьи, очерки. Ер., «Советакан грох», 1981, с. 222, 223-224, 226.

³ Там же, с. 222, 225.

⁴ Цит. по сб.: Туманян – 100. Юбилейная летопись. Ер., «Айастан», 1974, с. 305-306. Далее страница в тексте.

Другая статья В Звягинцевой по неизвестным причинам не вошла в юбилейный сборник «Туманян – 100»; она сохранилась в архиве Левона Мкртчяна и впоследствии была опубликована в ее посмертном сборнике «Кланяюсь Еревану и Арарату». «Поэзия доброго света» – так названа эта статья, заголовок которой автор раскрывает, упомянув многие произведения Туманяна и, в отличие от первой своей статьи, приводит целый ряд выдержек из них. «Через всю свою жизнь, – пишет она, – пронес Туманян любовь к людям, жажду добра и справедливости, никогда не угасал ясный свет его поэзии, несмотря на то что прожил поэт нелегкую жизнь» (с. 129).

Вера Звягинцева выделяет главную черту туманяновского творчества – его народность: «... Мало кому из поэтов удалось так выразить в своих стихах характер, душу и высокие стремления своего народа» (с. 129). Звягинцева считает одной из характерных особенностей туманяновской народности еще и то, что творения поэта не имеют четкого подразделения на детские и недетские; они написаны для всех возрастов. «Произведения любимого поэта Армении так чисты, так подлинно народны, что могут читаться детьми даже тогда, когда не имеют подзаголовка «стихи для детей»: это и «Давид Сасунский», написанный на тему знаменитого эпоса, и почти все поэмы, легенды, баллады, рассказы, сказки...» (с. 128). Именно эта «подлинная народность» поэзии Туманяна делает ее близкой и дорогой другим народам: «...Все им шлет из созвездия поэзии свои добрые, чистые лучи высокая звезда, носящая прекрасное имя Ованеса Туманяна» (с. 130), – этими словами завершает Звягинцева свою статью.

По статьям о Туманяне можно судить и о чертах личности Звягинцевой, и где-то они совпадают с такими отмеченными ею чертами армянского поэта, как «благородство натуры», «отсутствие самоуверенности». Это особенно наглядно проявилось в таком факте: в каждой из своих статей Звягинцева отмечает прекрасный перевод С. Маршака баллады «Пес и кот». «Какой читатель не знает его (Туманяна – М.Д.) замечательного «Кота и пса», блестяще переведенного на русский язык С.Я. Маршаком? Просто физическое наслаждение читать эту вещь», – пишет она в статье «А без любви нет жизни». А ведь сама Звягинцева тоже перевела эту балладу еще в 1936 году (правда, в последующие издания она вносила в текст изменения). Но все же отдавала предпочтение переводу С. Маршака. Примечательны строки ее письма Нвард Туманян (письмо не датировано, но по его содержанию ясно, что оно написано после выхода в свет под редакцией С. Шервинского сборника Туманяна 1941 года, в составлении которого Н. Туманян принимала активное участие): «...Вы же и сами, несмотря на то, что я просила Шервинского лучше взять перевод Маршака, напечатали мой новый перевод» (с. 148). Скажем прямо: не такое уж обычное это качество художника-творца – признать свою неудачу и восхвалять удачу другого. Звягинцева ведь могла просто обойти эту тему... Но она поступила по велению своей по-туманяновски широкой и искренней души.

Поскольку речь зашла о переводе баллады «Пес и кот», обратимся к Самуилу Маршаку. Он перевел две баллады Туманяна – «Пес и кот» (1939) и «Каплю меда» (1950), а также стихотворение «Прялка» (1945). Маршак не дожил до 100-летия Туманяна. Но он еще в начале 60-х

откликнулся на просьбу дочери поэта Ашхен Ованесовны, которая в те годы была директором Дома-музея Туманяна. Она обратилась к Маршаку с просьбой написать несколько слов о ее отце для музейного отдела «Советские писатели о Туманяне». Приведем ответное письмо Маршака от 10 июня 1962 года:

«Моя дорогая Ашхен Ивановна!

Только сейчас удалось написать несколько строк о Вашем отце – моем любимом поэте Ованесе Туманяне. Написал бы больше, если бы у меня хватило сил. Но после трехмесячного пребывания в больнице на меня нахлынуло множество неотложных дел и хлопот, не остающих ни минуты свободного времени.

Шлю Вам теплый, дружеский привет и самые лучшие пожелания, крепко жму руку.

Ваш С. Маршак.

Армения – страна прекрасной поэзии и замечательных поэтов. Но, пожалуй, **никому из поэтов конца 19 века и первых десятилетий 20 в. так не подходит звание народного поэта, как Ованесу Туманяну** (выделено мной – М.Д.). У него есть всё, чем богат народ: тонкое чувство природы, глубокая мудрость, а главное – великая любовь к жизни и человеку. И народ платит Туманяну искренней, не ослабевающей с годами любовью.

Как настоящий народный поэт, он понятен и дорог другим народам нашей страны, широко известен и за ее рубежами.

Я рад, что мне удалось внести свою – правда, небольшую – долю в ответственное дело перевода чудесной поэзии Ованеса Туманяна на русский язык. Я перевел всего только две его стихотворные сказки, а также отдельные стихи и могу сказать, что при всей трудности, с которой связана передача этих своеобразных, тесно связанных с национальной почвой стихов, работа над переводами была для меня истинной радостью. В каждой строчке я чувствовал ясную, добрую, по-детски чистую душу великого армянского поэта.

Как живому, я шлю ему свой низкий, почтительный поклон.

С. Маршак»⁵.

В нескольких строках этого письма отразилась удивительная глубина проникновения переводчика в мир армянского поэта. Маршак выделил самые характерные, сущностные черты туманяновского творчества: его национальную основу, народность, гуманизм; общечеловеческое, мировое значение его творчества; он, как и Звягинцева, сумел почувствовать в строках поэта и его душу – «ясную, добрую, по-детски чистую». При этом он сумел уловить по подстрочникам особенности стиля оригиналов, и, не следуя слепо их форме и букве, воссоздал их художественную, эстетическую суть⁶. Как тонко заметил прекрасный знаток художественного

⁵ С. Маршак. Письмо А. Туманяна. Газета «Коммунист», Ер., 1968, 29 февр, также: С.Маршак. Собр. соч. в восьми томах, т. VIII, М., 1972, с. 430.

⁶ Анализ маршаковских переводов баллад Туманяна см. в наших статьях: «Пес и кот» Ов. Туманяна в русских переводах» и «Три «Капли меда»» // М. Джанполадян. В мире

перевода Корней Чуковский, «Маршак никогда не переводил букву – буквой и слово – словом. А всегда: юмор – юмором, красоту – красотой»⁷. Чуковский подчеркнул еще очень важную сторону переводов Маршака – естественность звучания, что является необходимым условием художественной адекватности: «Его переводы звучат для русского слуха так, словно Бернс, или Петефи, или Ованес Туманян писали свои стихотворения по-русски»⁸. Строки из перевода Маршака баллады «Пес и кот» вошли в разговорную русскую речь, стали крылатыми.

К концу 30-х годов были опубликованы и переводы из Туманяна, принадлежащие Сергею Шервинскому. В отличие от Звягинцевой и Маршака, Шервинский впервые обратился к армянской поэзии еще на заре своей переводческой деятельности: он участвовал в создании знаменитой брюсовской антологии «Поэзия Армении» (1916), где были помещены его переводы стихотворений Нерсеса Шнорали, Наапета Кучака, Гевонда Алишана, Рафаела Патканяна, Левона Шанта, Даниела Варужана, Сиаманто. Роль Шервинского вообще огромна в ознакомлении русского читателя с армянской литературой: в конце 30-х он возглавил группу переводчиков сводного текста армянского героического эпоса «Давид Сасунский»; ему принадлежит перевод романа Х. Абовяна «Раны Армении», который по сей день остается единственным русским переводом этого произведения, положившего начало новой армянской литературе. Творческая связь С. Шервинского с Арменией продолжалась на протяжении всей его жизни⁹.

Первые переводы Шервинского из Туманяна были опубликованы в 1939 году. Поэма «Давид Сасунский» вышла в свет отдельными книжками в Ереване и Москве (М.-Л., «Детгиздат»); в журнале «Огонек» (М., 1939, № 4) был помещен его перевод баллады «Царь и чарчи» (с 1952 года эта баллада в основном публиковалась под названием «Шах и разносчик»). В сборник «Избранное» 1941 года вошел перевод Шервинского стихотворения «Армянскому паломнику». А в московском сборнике «Лирика» (1969) опубликованы и его новые переводы – стихотворений «Поэту», «Наш обет», «Дух Грузии». Но роль Шервинского в истории «русского» Туманяна не ограничивается лишь переводами. Он был редактором сборников «Избранное» 1941 (Ер., Армгиз) и 1945 (М.-Л., Детгиз) годов. Детгизовский сборник открывался его же предисловием. Шервинский написал и вступительную статью к одному из юбилейных изданий Туманяна – «Лирика» (М., «Художественная литература», 1969). А в сборнике «Туманян-100» помещена его статья «За пределами национального» – доклад, прочитанный на юбилейной научной сессии в ИМЛИ им.

Туманяна. Ер., 2018, «Эдит Принт», с. 82- 114.

⁷ К. Чуковский. Маршак. В кн.: «Я думал, чувствовал, я жил». Воспоминания о Маршаке. М., «Советский писатель», 1988, с. 132.

⁸ Там же, с. 126.

⁹ Переводы С.Шервинского из армянской поэзии были изданы отдельным сборником в 1966 г. в Ереване с послесловием Л. Мкртчяна, а в 1986 г. вышел в свет его сборник «От знакомства к родству» (составление и предисловие В. Перельмутера, Ер., «Советакан грох»), где были помещены также его стихи об Армении, статьи и очерки об Армении, армянской литературе и культуре.

Горького. Так что по количеству литературно-критических публикаций о Туманяне Сергей Шервинский, пожалуй, превосходит всех русских переводчиков указанного периода. Рассмотрим эти его работы.

Предисловие к изданию 1945 года (серия «Школьная библиотека») было адресовано детскому читателю и написано увлекательно, ярко, живо. Оно и взрослыми читалось с большим интересом. Примечательно в этом плане свидетельство Сергея Баруздина¹⁰, который в дни 100-летия Ов. Туманяна дважды упомянул в своих выступлениях это предисловие – так оно врезалось ему в память. «В трудном военном сорок пятом году мы, тогдашние солдаты, получили для своей полковой библиотеки всего лишь пять книг, – вспоминает Баруздин, называя эти пять книг, в числе которых оказалось и «Избранное» Туманяна. – Так в наш полк, находящийся под Берлином, пришел Туманян в детгизовской скромной обложке, изданный тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров **с отличным, как по сей день помню, предисловием Сергея Шервинского**»¹¹ (выделено мной – М.Д.).

Шервинский знакомит своего читателя с основными фактами жизни и творчества писателя в их неразрывной связи. Как художник, описывает он природу Лорийского края – родины поэта; говорит об атмосфере народных сказок, преданий и песен, которую будущий поэт впитал в себя еще с детства. «Жизнь в Лори положила основание всему, чем потом наполнилось творчество Ованеса Туманяна. Здесь он слился с родной природой, здесь проникся народным духом, здесь научился сочувствовать страданиям простых людей» (с. 5). Так же живописно, ярко передан колорит города Тифлиса, в котором прошла почти вся жизнь Туманяна. Шервинский подчеркивает народность творчества поэта как основополагающую его черту: «Именно **народность** (выделено автором – М.Д.) придала стихам Туманяна столько живости и прелести. Народ зачитывался его стихами. Это было великой радостью для поэта» (с. 7).

Всего на нескольких страницах книжки маленького формата Шервинский сумел рассказать юному читателю и о вехах творческого пути Туманяна, и о его литературных интересах и пристрастиях, и о его переводах, и об общественной деятельности поэта – как в сфере литературы и культуры, так и в общественно-политической жизни. «Туманян – человек редкой душевной красоты. Его прекрасные произведения полны нежности, любви к родной земле, сердечного сочувствия ко всем бедам и мукам, какие в его время приходилось терпеть народу» (с. 10) – этими словами завершается предисловие, написанное так, что читатель уже проникается интересом и добрыми чувствами к Туманяну, еще не успев познакомиться с его поэзией.

А вступительная статья к юбилейному московскому сборнику «Лирика» написана более литературоведчески, да и цель здесь уже другая:

¹⁰ Баруздин С.А. (1926-1991) – советский писатель и поэт, со второй половины 60-х гг. – секретарь правления СП СССР; главный редактор журнала «Дружба народов».

¹¹ Туманян-100. Юбилейная летопись. Вступительное слово С. Баруздина на объединенном юбилейном пленуме Правлений СП СССР и СП Армении. Ер., 1974, с.34-35. Это предисловие С. Шервинского Баруздин упоминает и в своей речи на торжественном юбилейном вечере в Тбилиси (см. там же, с. 146). Далее стр. указ. издания в тексте.

представить читателю ту область поэзии Туманяна, которая, как считалось, не первостепенна для значения его творчества. И не случайно статья начинается с вопроса. «Был ли Туманян лириком?» – спрашивает автор и объясняет свой вопрос тем, что «основное наследие Туманяна – эпическое». И тут же раскрывает значение лирического жанра в его поэзии: «Однако и в лирике – этом не главном русле своего творчества – Туманян достигает того совершенства, которое дает право на внимание всего человечества»¹².

Шервинский делает точное наблюдение о характере туманяновской поэзии: «Туманян в целом не принадлежит к типу поэтов с ярко выраженным лирическим темпераментом. Он не эгоцентричен, его внимание не сосредоточено на собственном даровании, на своей литературной судьбе, если не считать нескольких стихотворений ранних лет... У Туманяна мало стихов, посвященных любви – этой неисчерпаемой теме лирической поэзии. ...Поэт оставался всю жизнь скрытым в отношении своих интимных чувств. Сдержанная и замкнутая, когда дело касается личного, душа Туманяна была широко открыта для горестей и радостей всех людей, и прежде всего – родного армянского народа» (с. 5-6). Отметив, что Армения едва ли не единственная страна, где судьба народа стала основной темой ее литературы, автор совершает небольшой экскурс в историю и не раз упоминает переведенный им роман Х. Абовяна «Раны Армении». Он пишет и о последующих трагических событиях: «Турция на глазах всего мира продолжала свои неистовые расправы с беззащитным народом и в начале нашего столетия. К концу XIX и началу XX века гонимый армянский народ стоял на краю бездны. Его бедствия жгли душу Туманяна, личное поглощалось всенародной трагедией» (с. 7-8).

Подчеркнув, что лирика Туманяна «по преимуществу носит характер поэзии гражданской» (с.8), автор обратил внимание на индивидуальные особенности этой темы в творчестве поэта: «Полная страданий судьба армянского народа – вот подлинно лирическая тема Туманяна. В его гражданской лирике нет надуманности, нет нарочитости, – она не скована рассудочностью». Совершенно правомерно отмечая, что к данной теме обращались, естественно, и другие армянские поэты, Шервинский пишет: «Но Туманян дал наиболее художественное, наиболее глубокое и разностороннее выражение народного характера». Очень важно также наблюдение автора о самом художественном воплощении этой народности: «Народность поэзии Туманяна проявляется и в самом ее духе, и в выборе тем, и стиле. Но этот стиль – не стилизация, поэтому его стихи никогда не производят сколько-нибудь ложного впечатления. ...Его голос – это голос самого народа, и он вызывает отклик в сердце каждого армянина» (с. 9).

Обращается Шервинский и к философской теме туманяновской лирики. «Перед нами возникает возвышенный поэт-мыслитель, – пишет он. – Поэт смотрит на мир и людей уже с тех духовных высот, которых достиг...» (с. 10-11). Говоря о философской лирике Туманяна, Шервинский

¹² С. Шервинский. Туманян - лирик. В кн.: Ов. Туманян. Лирика. М., «Худ. лит», 1969, с.5. Далее страницы указ. издания в тексте.

выделяет ее особый жанр – четверостишия, образно характеризуя их как «крупные слезы печали уже не только о судьбах родного народа, но и всего человечества» (с. 11). Свое мнение он подтверждает рядом цитат, среди которых – и заключительные строки одного из четверостиший:

*...Боль всех сердец в одну соединилась
И на меня легла в наш трудный век.*

«Цикл четверостиший, – обобщает Шервинский разговор об этом жанре поэзии Туманяна, – драгоценный ларец, куда поэт складывал самые заветные свои мысли, те чувства, которые не находили себе места в произведениях широкого общественного звучания» (с. 13).

В московском сборнике «Лирика» были помещены и некоторые баллады Туманяна, хотя баллада в теории литературы считается не лирическим, а эпическим жанром. Шервинский отмечает, что в этих произведениях «слиты и лирические, и эпические черты» (с. 13). Он выделяет баллады «Парвана», «Шах и разносчик», «Одна капля меда». Характеризует автор и поэтику туманяновской лирики, еще раз подчеркнув, что она «доступна и прозрачна» (с.14), что «Туманян никогда не увлекался изысками стиха как таковыми» (с. 15).

Шервинский поднимает в этой статье и вопрос о связях Туманяна с русской литературой, но не раскрывает его глубоко, а лишь намечает: «Именно в русской литературе, – пишет он, – легче всего находятся аналогии его творчества. И прежде всего – Лермонтов и Некрасов. ...Линия, ведущая от Лермонтова к Некрасову, находит естественного, хотя и иноязычного продолжателя в Туманяне» (с.16). Эта мысль Шервинского представляется несколько спорной. Почему-то он не называет здесь Пушкина.

Ценность статьи Шервинского – в том, что он выделил характерные черты туманяновской лирики как в плане ее тематики, так и поэтики, и подчеркнул общечеловеческое значение творений армянского народного поэта. «...Туманяну тесно в рамках одной армянской поэзии. Сила и универсальность дарования дала возможность поэту оказаться понятным и любимым также и другими народами» (с. 15).

Затронутый в конце данной статьи вопрос о связях Туманяна с русской литературой стал отдельной темой доклада С. Шервинского «За пределы национального», прочитанного в Институте мировой литературы им. М. Горького и опубликованного в Юбилейной летописи «Туманян-100». Статья «За пределами национального» вошла также в сборник Шервинского «От знакомства к родству¹³». В самом ее начале четко обозначены вопросы, по которым автор затем высказывает свое мнение.

«Туманян – самый национальный из всех армянских поэтов: так, глядя изнутри, говорил Исаакян; так, глядя извне, говорил Брюсов.

Хочется уяснить, многим ли обяван этот национальнейший поэт общению с иными литературами, насколько допускал он проникновение

¹³ Поскольку в публикации, помещенной в «Юбилейной летописи», имеются смысловые ошибки, статья «За пределами национального» цитируется нами по книге: С. Шервинский. От знакомства к родству. Ер., «Советакан грох», 1986. Страницы указываются в тексте.

их веяний в свой столь открытый каждому и где-то в глубине столь замкнутый поэтический мир» (с. 217)..

Довольно бегло коснувшись вопроса о воздействии на творчество Туманяна западных авторов, Шервинский отвечает на этот вопрос отрицательно: «Если Шекспир, с такой силой овладевший юным сознанием Туманяна, не отразился или отразился весьма косвенно на его творениях, то тем менее могли воздействовать на него другие западные классики, которые были ему знакомы и которых он даже сам переводил, притом в немалом количестве» (с. 218), – пишет Шервинский. Он отрицает также влияние на Туманяна восточной литературы, отметив, что поэт использовал только стихотворную форму персидской лирики – «рубай», но вложил в эту форму свои сугубо личные чувства и мысли (см. с. 219). «Однако рядом с Туманяном была еще великая русская литература, – пишет автор, – и нас не может не занимать вопрос о ее воздействии на «самого национального» поэта Армении» (с. 219). На сей раз Шервинский раскрывает этот вопрос, начиная с Пушкина, затем переходит к Лермонтову; потом отмечает, что в творчестве Туманяна никак не отразилась современная ему поэзия русского символизма (с. 223)... Основной его вывод состоит в том, что «Туманян как поэт был на редкость **самостоятелен**» (выделено автором, с. 224). Этот вывод не может вызвать возражений. Но целый ряд возражений вызывает самый ход рассуждений Шервинского, на основе которых он делает свои выводы.

Заметим, что, определяя степень воздействия на Туманяна Пушкина и Лермонтова, Шервинский основывается только на его переводах из этих поэтов. «Самый выбор произведений, переведенных Туманяном из Пушкина, отражает и выражает его пристрастия» (с. 219), – отмечает он и перечисляет эти переводы, допуская некоторые неточности. Так, он пишет, что «из драматических произведений Пушкина Туманян перевел «Пир во время чумы» (с. 219), между тем как был переведен лишь один небольшой отрывок из «Пира...» в 40 строк – «Песня Мери». Шервинский считает, что «выбор для перевода лирических стихов Пушкина кажется у Туманяна случайным, кроме, однако, одного раза» (имеется в виду «Зимний вечер» – М.Д.). Здесь нельзя не уловить противоречия в мыслях автора: если, по его словам, «самый выбор» текстов для переводов из Пушкина «отражает пристрастия» Туманяна, то как же этот выбор можно считать случайным? О «Заклинании» Шервинский пишет: «Трудно сказать, что именно могло привлечь Туманяна к этому любовному произведению жгучего темперамента и мистической настроенности»; а «Романс» считает «самым слабым в контексте других стихов того же периода» и заключает: «Выбор для перевода именно «Романса» озадачивает» (с. 220). Заметим, однако, что выбор для перевода произведений как Пушкина, так и других авторов у Туманяна никогда не был случаен. Шервинский просто не учитывает, что названные произведения Пушкина переводились Туманяном в разные годы и соот-

ветственно отражали его различные литературные вкусы и пристрастия¹⁴.

Что касается «Зимнего вечера», то Шервинский, как отмечалось, не считает выбор этого произведения для перевода случайным. Но он выражает свое недоумение по поводу туманяновской оценки этого стихотворения. В данном вопросе разберемся подробнее.

Приведем сначала слова Шервинского: «Однажды Туманян и В.Г.Короленко разговаривали о Пушкине и Туманян сказал, что, по его мнению, «Зимний вечер» лучшее произведение Пушкина, причем указал на простоту стиля и драгоценность каждого слова в этом стихотворении – качества, вообще присущие Пушкину. Мы все с детства любим «Зимний вечер», однако такая выделенность именно этого стихотворения из лирики нашего национального гения удивляет нас теперь так же, как тогда удивила Короленко. Вероятно, в данном случае сыграли роль два обстоятельства: тема Пушкина-изгнанника, находившая опять-таки отклик в свобододлюбивой душе переводчика, и доступность стихотворения, с которого начинается знакомство с Пушкиным каждого ребенка» (с. 220).

А вот как запечатлен разговор Туманяна и Короленко о «Зимнем вечере» в воспоминаниях старшей дочери поэта Ашхен, которая в 1912 г. находилась с отцом в Петербурге и в период всего судебного процесса по «дашнакскому делу», и после оправдания отца и его освобождения. Она рассказывает (естественно, со слов отца) о долгой беседе писателей во время прогулки; о том, что их разговор перешел на Пушкина. «Короленко спросил отца, какое произведение Пушкина ему нравится больше всего. Отец ответил: «Наверное, Вы думаете, что я назову «Евгений Онегин» или какую-нибудь поэму... Мне больше всего нравится «Зимний вечер». В этом стихотворении – вся Россия».

На мгновение они оба остановились . Потом Короленко стукнул своей палкой о землю и сказал: «А знаете, Вы правы»¹⁵.

Чтобы не сомневаться в достоверности этих слов и точном воспроизведении диалога двух писателей, приведем воспоминание самого Туманяна спустя 3 года после встречи с Короленко в записи другой его дочери – Нвард Туманян:

«15 ноября 1915 г. Вечером беседовали о поэтах, потом отец стал говорить о Пушкине. Как обычно, он говорил взволнованно, воодушевленно, не останавливаясь».

– Пушкин – великий поэт: крупный, великолепный поэт, у него тонкая интуиция и прекрасный вкус.

Люблю читать его поэмы – «Полтаву», «Кавказский пленник», «Цыганы» и другие, но знаете, что я больше всего люблю из его произведений? Никогда не догадаетесь: «Зимний вечер». Люблю я эту вещь, потому что она вся очень русская, очень красивая.

¹⁴ Причины, по которым Туманян в разные периоды своего творчества обращался к названным произведениям Пушкина, раскрыты в нашей статье «Ованес Туманян и Пушкин» в кн.: М. Жанполадян. «Когда строку диктует чувство...». Статьи разных лет. Ер., изд. РАУ, 2006, с. 19-27.

¹⁵ А. Туманян. О моем отце. В сб.: Туманян в воспоминаниях современников. Ер., изд. АН АрмССР, 1969, с. 646-647 (на арм. яз.).

Сказал и взял со стола сборник Пушкина, прочел это стихотворение.

– Это жемчужина русской поэзии. Теперь подождите, расскажу вам одну историю. В 1912 году в Петербурге, выйдя из тюрьмы, я познакомился с Короленко. Мы очень сблизились. Хороший был человек, истинно русский человек. После ужина мы вышли и, беседуя, долго шли. Он меня провожал домой, я – его... Речь зашла о Пушкине. Он меня спросил, какое из произведений Пушкина производит на меня сильное впечатление, какое я люблю больше всего? Он, наверное, думал, что я назову одно из крупных произведений Пушкина. Когда я назвал «Зимний вечер», он очень удивился. Ударил палкой о землю и сказал:

– А знаете, Вы правы...»¹⁶

Из двух этих документальных записей становится ясно, что Шервинский не совсем точно пересказал суть беседы Туманяна и Короленко. Короленко спросил **не о том, какое произведение Пушкина Туманян считает лучшим, а о том, какое он больше всего любит**. Это разные вопросы. И Туманян сказал о своем самом любимом, а не самом лучшем стихотворении Пушкина. И еще одна неувязка: Короленко, как видно из воспоминаний дочерей поэта, был озадачен лишь на мгновение, а потом согласился с Туманяном, признал его правоту. Между тем Шервинский высказывает мнение, в котором он убежден, и потому не соответствуют реальности его слова о том, что выделение Туманяном «Зимнего вечера» из лирики Пушкина «удивляет нас теперь так же, как тогда удивило Короленко». Что касается предполагаемых автором причин туманяновского отношения к «Зимнему вечеру» («судьба поэта-изгнанника» и «доступность стихотворения»), то они уже были оспорены в нашей статье «Русская критика о фольклоризме Туманяна (60-е гг. XX в.)», где раскрыты совершенно иные причины, обусловившие, на наш взгляд, особую любовь Туманяна к этому стихотворению¹⁷.

Тезис Шервинского об отсутствии влияния Пушкина на Туманяна через переведенные им произведения не может убедить еще и потому, что сам Туманян в своем письме к Юрию Веселовскому указал на это влияние: «До Вашего письма мне не приходилось задумываться над тем, насколько я находился под влиянием русской литературы, – писал поэт в октябре 1902 года. – Получив Ваше письмо, я долго думал и искал это влияние, но не в строках своих стихотворений, потому что сознательно никогда не подражал и не следовал ни одному поэту, а в моей душе, в литературных вкусах и взглядах. Нашел, что даже выученные мною в школе (также и читанные вне школы) произведения русских поэтов (Туманян перечисляет около 15 названий стихотворений и поэм Пушкина и Лермонтова – М.Д.) ...всегда были мною любимы, тем более что некоторые из них переведены

¹⁶ Н. Туманян. Воспоминания и беседы. Ер., 1969, «Луйс», с. 137 (на арм.яз).

¹⁷ См.: М. Жанполадян. В мире Туманяна. Ер., 2018, сс.33-34. Здесь же мы полемизируем с еще одним суждением, высказанным Шервинским в данной статье: оно – о том, что «говорить о влиянии на него (Туманяна – М.Д.) народной поэзии было бы методологически неправильным: мы не можем сказать, что корни влияют на плоды, приносимые деревом, корни питают их, – так и народное творчество питало своими соками творчество Туманяна» (с. 224).

мною, ...что, несомненно, должно было повлиять на меня»¹⁸.

В этих строках прочитывается не только свидетельство самого Туманяна об определенном влиянии на него произведений переведенных им русских поэтов, но и своего рода предостережение от прямолинейного, лобового подхода к вопросу о литературных влияниях. Из приведенных строк уже вытекает отнюдь не новая, но в данном случае конкретная, относящаяся к Туманяну мысль: литературные воздействия могут иметь место не только благодаря переводам. И об этом – строки писем поэта к историку Лео (Аракелу Бабаханяну) и Ю. Веселовскому. «Из русских поэтов наибольшее воздействие на меня оказали Лермонтов, затем Пушкин, и я думаю, что их влиянием объясняется, по-видимому, написание тех моих поэм, в которых воспеты жизнь нашего горского народа, его обычаи и природа (с. 263).», – пишет поэт в октябре 1902 года Аракелу Бабаханяну. А вот строки из уже цитированного известного письма к Юрию Веселовскому: «И хотя любовь к горам и тоска по горской жизни всегда были в моей душе, но, без сомнения, русские поэты (Пушкин и Лермонтов – М.Д.) побудили меня писать, дав такую форму поэмы, какую использовал я, потому что в нашей литературе не было такой поэмы, которая воспевала бы жизнь народа и природу – нашу природу, обычаи и предания народа. Таким образом, хотя и бессознательно, начинал я под воздействием русских поэтов»¹⁹ (с. 268-269).

Думается, в вопросе о воздействии на Туманяна названных поэтов мы должны прежде всего доверять самому Туманяну.

Есть в этой публикации и другие довольно неубедительные, не имеющие реальной основы обобщения, к примеру: «Если отношение Туманяна к русской классической поэзии не отличалось особой глубиной (? – М.Д.), то русские поэты – современники Туманяна, – кроме, разве, Бальмонта, оказались просто вне поля его зрения» (с. 223). Но, как уже было отмечено, подобный ход рассуждений автора в конечном счете приводит его к общим выводам, не вызывающим возражений. Шервинский заканчивает статью словами о том, что Туманян – любимый поэт для русских (с. 225), и подчеркивает общечеловеческое значение его творчества: «Армяне мы или нет, Туманян не может не оказывать на нас благотворного воздействия своим благом, эстетическим и моральным, непреходящая ценность которого уже за пределами национального» (с. 225).

Мы рассмотрели вопрос об отношении к Туманяну всего лишь трех русских его переводчиков. Представленный в данной статье материал позволяет отметить и общие черты, которые русские переводчики заметили и оценили в поэзии Туманяна, и, конечно, индивидуальный подход каждого из них к творчеству Поэта всех армян. Важно отметить, что высказывания и мысли неармянских авторов о Туманяне еще раз подтверждают мировое значение его творчества.

¹⁸ **Ов. Туманян.** Избранные произведения в трех томах, т. 2. Ер., «Айастан», 1969, с.264-265. Цитаты из писем Туманяна приводятся по т. 2 с указанием страниц.

¹⁹ О характере влияния поэм Пушкина и Лермонтова на поэмы Туманяна о народной жизни см.: **Эд. Джрбашян.** Поэзия Туманяна. М., «Худ. лит.», 1969, с. 19-24. См. также его монографию «Пушкин и армянские поэты», (Ер., «Гитутюн» НАН РА, 1999, с. 82-121, на арм. яз.), где рассмотрены вопросы типологической общности этих двух национальных, народных поэтов.

Ключевые слова: *Туманян, оценки русских переводчиков, Звягинцева, Маршак, Шервинский, ценные наблюдения, спорные суждения, признание мирового значения поэта.*

ՄԱԳՐԱ ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ – Հովհաննես Թումանյանը ռուս թարգմանիչների գնահատմամբ (XX դարի 30-60-ական թթ.) – Հոդվածում ներկայացվում են Հովհաննես Թումանյանի պոեզիայի ռուս թարգմանիչների՝ Վերա Զվյագինցայի, Սամուիլ Մարշակի և Սերգեյ Շերվինսկու կարծիքները: Հետազոտված նյութը ցույց է տալիս, որ հեղինակները հիմնականում արտահայտել են շատ հետաքրքիր, կարևոր և դիպուկ մտքեր Թումանյանի ստեղծագործության էության և առանձնահատկությունների մասին՝ ընդգծելով հայ բանաստեղծի համաշխարհային արժեքը: Առկա են և անհամոզիչ թեզեր, որոշ անճշտություններ (Ս. Շերվինսկու հոդվածում), որոնք վիճարկվում են:

Բանալի բառեր - *Թումանյան, ռուս թարգմանիչների կարծիքներ, Զվյագինցա, Մարշակ, Շերվինսկի, արժեքավոր դիտարկումներ, վիճելի մտքեր, հայ բանաստեղծի համաշխարհային արժեքի ընդգծում*

MAGDA JANPOLADYAN – Hovhannes Tumanyan by the Evaluation of Russian Translators (30-60s of XX Century) – The article analyzes the opinions of Russian translators Vera Zvyagintseva, Samuil Marshak and Sergey Shervinsky on the poetry of Hovhannes Tumanyan. The research material shows that the authors have mainly expressed very interesting, important and specific thoughts about the essence and peculiarities of Tumanyan's work, emphasizing the world value of the Armenian poet. There are persuasive theses and some inaccuracies (in S. Shervinsky's article) that are being challenged.

Key words: *Tumanyan, opinions of Russian translators, Zvyagintseva, Marshak, Shervinsky, valuable observations, controversial thoughts, highlighting the world value of the Armenian poet*

Поступление: 18.09.2019

Рец.: 24.11.2019

Принято к печати: 05.12.2019